

— Так, так, господа. Отчего же и этим не развлечься от скуки.

И продолжается у них такой разговор. Совсем как есть приятели. И все выложил им Иван Кирилыч, как есть все: до того дошел, что и рясы свои пересчитал им, и женины наряды, и сколько денег, даже и то сказал. А денег у них было много: известное дело, был в том приходе домик, была скотинка; продали, а новых расходов еще никаких не было, все деньги еще целы; «Господи, хоть бы он о деньгах-то промолчал перед ними, нет, ведь и это выложил им!»

Ехали лесом, теперь выехали на прогалину.

— Но вот, батюшка, теперь есть место рядом ехать, этак-то будет ловчее разговаривать.

Хлопнули по лошади, она пошла поскорее, сворачивая в ту сторону, с ...

IV

БАБУШКИНЫ РАССКАЗЫ

I. Переселение прадедушки и прабабушки в новый приход.

Вот, расскажу я вам, Любинька, Николенька, какое было происшествие с батюшкою, матушкою, когда они ехали в новый приход.

По какому это было случаю, что архирей* перевел батюшку вскоре после посвящения — на втором году, должно быть, судя по тому, что я была тогда грудной ребенок, или не дальше, как на третьем — в новый приход, не умею сказать: может быть, прежний приход был уж очень беден, то батюшка и просил архирея; а не мудрено и то, что мужики просили архирея перевести к ним батюшку, зная его за человека хорошего; но только, как бы то ни было, перевел архирей батюшку в новый приход. Расстояние было, должно быть, не маленькое; может быть, и двести или триста верст, а может быть и больше, потому что епархия была тогда либо пензенская, либо тамбовская, до самого Царицына все одна: не знаю какая, пензенская ль она была, или тамбовская, — только очень большая: народу тогда в здешних местах было еще мало; все леса да леса были.

Ну, распродали батюшка, матушка все лишнее, чего на одну телегу не положить, и уложили на одну телегу, что у них оставлено было взять с собою. Много ли, немного ли, а все же поклажа. А лошадь-то одна. А у матушки грудной ребенок — это я; идти ей нельзя же было бы много, хоть бы и не заботлив был о ней муж.

* Так в рукописи и далее.

А батюшка в ней души не чаял, стало быть, ей всю дорогу ехать: батюшка не допустит ее сойти с телеги, кроме как разве, чтобы немножко ноги размять, когда устанет сидеть. И устроил же ей батюшка спокойствие для сиденья и прикрытые от жару, от дождя! Она говорила, такую кибитку устроил, что вроде даже карету * вышло. Ну, а это опять все равно, что клажа, как же? — Хороший-то навес во всю телегу, разве это мало тяжести? Он кожаный был и с дверкою: как есть карета. Теперь, как же и об лошади-то не подумать было, нельзя ли ей доставить облегчения? Подумать-то всякий хозяин подумал бы; и думают, да что придумывают? — Ничего. А батюшка придумал: привязал к переднему краю своей кареты по бокам по жерди, стоячие, как бы сказать аршина четыре в вышину; как подует попутный ветер, батюшка привяжет к этим жердям полог, и выходит парус; ветер-то и помогает лошади везти, а попутный-то ветер дул много; большое, говорит матушка, облегчение было лошади. — Ну, сам батюшка на телегу не садился, это уж вы сами можете понимать. Всю дорогу шел пешком.

Хорошо. Едут день, едут другой, может быть и третий, а то и четвертый. Почти что все лес, да лес, да кое-где между лесом пустые полянки; деревня от деревни — двадцать верст, это близко, а то и все пятьдесят, коли не семьдесят. Деревень почти только те и видели батюшка с матушкою по дороге, в которых ночевали; это уж всегда подгонял батюшка так, чтобы ночевать в деревне, для матушки и для ребенка: ежели переезд велик очень, — ну, на кормежке среди дня поменьше даст проклажаться ** лошади: как бы-то? Лошадку-то жалеет, а жену-то с младенцем больше.

Ехали они таким манером три дня, четыре ли. Проселок, места пустые. По целым дням ехали, ни души не встречавши. Известно, какая езда по некоторым проселкам в наших местах и теперь, особенно летом; а тогда и той не было. Совсем пустые места были. Едут; попутчиков как есть никого: встречных — иной день одна телега, либо две, а в иной день и ни одной во весь день. Едут, все одни да одни! Только на четвертый ли день, или уж на пятый, едут они после кормежки — значит, уж полдень прошел — слышит матушка, издали, сзади, громко так вдруг раздалось, шелкнуло вроде сильного треска: пу! Что такое? — Через минуту опять: пу! Приподняла занавеску — кожу-то, вроде дверцы, — высунулась, говорит батюшке: «Иван Кирилыч». — А он идет подле лошади, вожжи держит; обернулся на ее голос. «Слышишь, Иван Кирилыч, пу-кань-то?» — «Слышу, Мавруша». — «Это что такое? Это из ружья стреляют». — «Из ружья, Мавруша». — «Садись, гони лошадь». — «Зачем, Мавруша?» — «Ускакать от них, ведь это разбойники». — «Какие разбойники, Мавруша? Барин какой-нибудь или офицер едет, от скуки по уткам стреляет; по сторонам-то озера попадаются». — «Садись, гони лошадь, говорю тебе. Какое там по

* Так в рукописи.

** Так в рукописи.

уткам стреляют: разбойники». — «Разбойники не станут шума подымать, Мавруша, они тайком ездят». — «Известно. не без надобности стреляют: стало быть, попался им кто, убивают. Садись, гони лошадь!» — «Да не бойся ты, Мавруша, не разбойники это; догонят нас, увидишь: барин либо офицер. А если и разбойники это, как ты говоришь, гнать лошадей не в пользу нам: у нас кладь; они порожняком; да и лошади-то у разбойников не такие бывают, как наша. Поскачем, только на себя их наведем стуком от колес. Нам от них не ускакать. Шагом-то ехать, ежели и разбойники, ежели и догонят, скорее не тронут: много ли корысти-то зарезать-то нас? Будут видеть, какое наше богатство, и велики ль у нас должны быть деньги; а мы едем себе спокойно, стало быть и не понимаем, что они разбойники, слухов об них от нас не пойдет, — так зачем им нас резать? Поздороваются, как будто добрые люди, и поедут мимо. Так-то, Мавруша: хоть бы это и разбойники были, бояться их нам с тобою нечего. А ускакать нельзя, а попробовать скакать — беда; значит, мы поняли, кто они, и нельзя им упустить нас из рук, чтобы мы не подняли в селе шуму про них. То и будем себе ехать шажком, хоть бы это были и разбойники. Только это не разбойники. Не бойся, Мавруша».

Что ты прикажешь делать? Не столкнешь с человеком: уперся на своем; и слушать его, то будто и дело говорит. Запахнула занавеску матушка, сидит, плачет. — Слушает: тихо, не пукают. Думает матушка: ну, может, сделавши свое, убивши, ограбивши, повернули разбойники в лес к себе, а нас и не слышали. Утешает себя этими мыслями. Хорошо. Проходит, может быть, полчаса — все тихо. Успокоилась было матушка: уехали разбойники в лес. Только вдруг опять: пу! но уж совсем близко! Догоняют! — И стук от колес будто слышно. Слышно же и есть: и стук от колес, и топот от лошади: рысцою бежит, должно быть. Ну, теперь уж поздно и говорить мужу, чтобы сядился, гнал лошадь. Сидит матушка, дрожит.

Совсем близко подъехали. Пошла у них лошадь шагом.

— Здравствуйте, батюшка. — Это сзади-то раздалось.

— Здравствуйте, господа. — Это батюшка отвечает.

— Вы отец иерей будете или дьяконствуете?

— Священник я, господа.

— И тем лучше, батюшка. Значит, вот на полянку выедем, можно будет поровняться с вами, надобно будет слезать, под благословение к вам подойти. А куда едете?

Батюшка говорит, куда; называет село, в которое переведен: Сосновка это была.

— Знаем, батюшка. Выходит, мы с вами до самого конца вашей дороги будем попутчиками. Мы тоже в Сосновке должны побывать и дальше поедem. Мы приказчики; разъезжаем везде тут, большие круги делаем везде, все покупаем.

Ну, видно, полянка вышла: слышно матушке, поехали они в объезд мимо ее телеги. Давши им поровняться, пропустивши их

немножко, приотпахнула матушка свою дверцу, выглянула осторожно одним глазком в щелку: тележка небольшая, крашеная, красивая такая; сидят двое, в синих азиях, оба большие и высокие, и плечистые. И ножа, пожалуй, вынимать не станут: руками придушат. Опустила занавеску. И плакать-то боится, сидит ни жива, ни мертва.

— Здравствуйте еще раз, батюшка. Благословите.

— Бог вас благословит, господа.

Благословляет батюшка одного, другого: слышно это матушке по словам, какие говорит священник, когда благословляет; говорит эти слова раз — и слышно, чмокнул тот руку батюшки так звонко, будто с усердием; говорит батюшка благословенье в другой раз, слышно и другой чмокает, тоже звонко так, тоже, видно, благочестивый.

Идут с батюшкою, разговаривают. О себе рассказывают сначала: и от какого купца ездят приказчиками, и какие деньги с собою возят, и все такое; и кто сами, о своих родных и обо всем. Потом батюшку спрашивают: первым делом о супруге, детки есть ли, батюшка отвечает; и мало того, что отвечает, все им выкладывает, о чем и не спрашивали: как скот, вещи распродали, сколько денег выручили, сколько прежде было скоплено... Господи, твоя воля! До чего затмение-то рассудка может доходить! Что им нужно знать, о чем и спросить остерегаются, о том он им сам докладывает!

— Ну, — говорят, услышавши все, что ни нужно было знать: — Ну, — говорят, — когда так, батюшка, то и тем лучше, что вот мы вам нашлись попутчики: конечно, хоть и смиренные здесь места, ничего такого не слышно, а все же вам, будучи при деньгах, хотя и небольших для другого, а для вас немалых, тем больше для злого человека, при том же голого, даже очень завидных, лучше с нами-то, чем одному. Мы в обиду не дадимся; у нас два ружья, да кинжалы, нам без того нельзя: нам по всяким местам приходится ездить. Так мы до ночлега вместе с вами.

— Благодарю вас покорно, господа, — отвечает батюшка. Еще благодарит!

— Проводим, батюшка. Но только клажи-то у нас поменьше, да и лошадка-то побойчее; ей с вашею долго-то в ногу идти как будто скучновато; она у нас рысцою бегать охотница. Мы свернем, поищем, озерка нет ли опять, не попадется ли уток. Поколесим, да и опять к вам. Не то, что для опасности, потому что это больше к слову только сказано — какие в здешних (местах) опасности! — а для того собственно, что в разговорах время идет приятнее, когда, вот как теперь, вы нам понравились, а надеемся, что и мы вам не противны. Между собою у нас уж все сто раз переговорено; ну, и едем...